

Сказания Медового хутора

Дмитрий

Уляшов

Дмитрий Уляшов

Сказания Медового хутора

«Автор»

2026

Уляшов Д. Ю.

Сказания Медового хутора / Д. Ю. Уляшов — «Автор», 2026

Через небольшое окно вашей фантазии загляните в мир с альтернативной историей. Мир, где мифы и суеверия имеют под собой реальную почву. Сознание людей более прогрессивно, чем считается для текущей эпохи. Где магия - это не пустые рассказы, а её adeпты, проводники и свидетели живут бок о бок с обывателями, а она сама является пусть и не обязательной, но очень приемлемой частью жизни. Данный сборник рассказов отлично подойдет для того, чтобы отвлечься, находясь в ожидании, будь то вокзал, аэропорт, поликлиника или банальное ожидание курьера. Станет хорошим вариантом чтения перед сном. Короткий, но от того, надеюсь, не скучный сюжет поможет получить то, за что вы так полюбили чтение, в то же время смеет закончиться полностью, не затянув процесс до глубокой ночи. А может, вы и сами найдете свое время для данных рассказов, или оно найдет вас...

© Уляшов Д. Ю., 2026

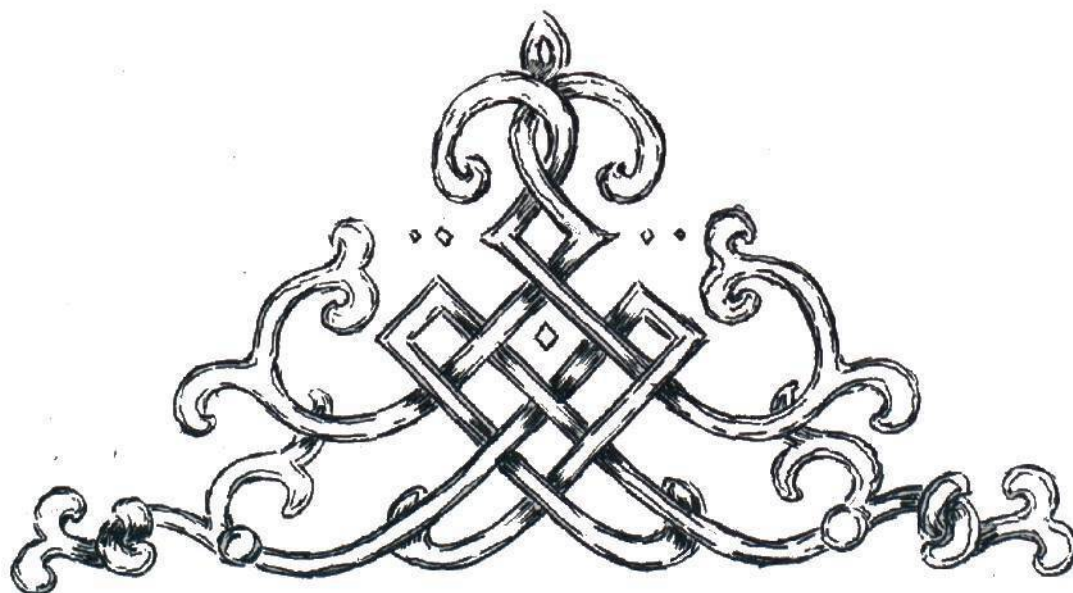
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Рассказ №1 В волчьей шкуре.	7
Рассказ №2 Зачарованный Детьнец.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Уляшов

Сказания Медового хутора

Сборник фолк-фантазии, приземленный эпик, хорор рассказов

Аннотация

Через небольшое окно вашей фантазии загляните в мир с альтернативной историей. Мир, где мифы и суеверия имеют под собой реальную почву. Сознание людей более прогрессивно, чем считается для текущей эпохи. Где магия - это не пустые рассказы, а её адепты, проводники и свидетели живут бок обок с обывателями, а она сама является пусть и не обязательной, но очень приемлемой частью жизни.

Данный сборник рассказов отлично подойдет для того, чтобы отвлечься, находясь в ожидании, будь то вокзал, аэропорт, поликлиника или банальное ожидание курьера. Станет хорошим вариантом чтения перед сном. Короткий, но от того, надеюсь, не скучный сюжет поможет получить то, за что вы так полюбили чтение, в то же время смеет закончиться полностью, не затянув процесс до глубокой ночи. А может, вы и сами найдете свое время для данных рассказов, или оно найдет вас...

Оглавление.

Аннотация

Рассказ №1 В волчьей шкуре.

Рассказ №2 Зачарованный Детинец.

Рассказ № 3 Скрежет по дереву.

Рассказ №4 Живы будем - увидимся...

Рассказ №5 Свет от пера.

Рассказ №6 Стрыга.

Рассказ №7 Чан Гуй.

Рассказ №8 Бессмертный.

Рассказ №1 В волчьей шкуре.

Завсегдатай мужичок как всегда не спеша вошел в таверну и сел на свое место в углу. Был он одет по обыкновению богато, меч булатный на поясе, на ремне имел немаленький кошелек, и, как не тратил он его содержимое, оно всегда восстанавливалось... Молодые парни, что всюду ищут развлечения, славу и успех, увидев его, тут же расселись кругом и с уважением и почётом спросили:

—Что сегодня поведаешь нам, дедушка?

—Я тебе в отцы гожусь, но не в деды! А коли хочешь чего услышать, поделись со мной чем хорошим.

Негласный лидер молодняка встал со своего места и, помахав рукой, крикнул:

—Самую большую кружку медовухи!

—Осади ты, соколик, — спокойным тоном успокоил он порыв парня и, помахав трактирщику рукой как хорошему другу, произнес: — Давай всем.

Через минуту девка, что работала здесь, на подносе расставила перед каждым, кто был в трактире, по большой кружке медовухи. А себе налила бокал заморского вина.

—Ты со мной потом поделишься, коли нужда меня застанет, в жизни оно всякой бывает — добродушно подмигнул мужик обидавшемуся было парню. Отпил большой жадный глоток и, потянувшись, произнес:

—Вот теперь что надо, слушайте.

Было это давно и не здесь. Я еще молод был тогда... Друже мой Болот тогда только начал свой путь купеческий. А я значится с ним путешествовал, отродясь у меня к ним страсть, к путешествиям. Это сейчас я сижу тут за кружечкой хмельного в уюте, а раньше долго бы так не усидел. Болот был парень хозяйственный, смекалистый, упертый да наглый. Иной раз на рожон прет так, что строй латников его пропустить надумает. Вот и тогда закупили мы полный возок товара, что получше да подешевле, и кумекаем как его довезти до города соседнего быстрее остальных купцов, ясно же: кто быстрее, тот и продаст больше да цену выше поставит.

А беда была тогда на тех дорогах, путь прямой неведомое что-то перекрыло, да хода никому нет; кто по тому пути поедет — пропадёт. Вот все в обход да ездили. Мужики было хотели ополчиться на силу неведомую да выворотить её оттуда. Дак, говорят, подходят к лесу, а за ним аккурат дорога начинала людей забирать, а от леса смрадом несет нечеловеческим, да так, что глаза режет, а вот прям за первым же деревом кости покрошенные лежат и воронье сидит мясо обглаживает. Ну мужики покумекали да обратно воротились. Решили волхвов звать, али еще кого, чтобы за народ честный от нечисти заступился. А пока заступник не пришел, кругом ездили.

Друг мой, значится, решил тем путем поехать да других торговцев опередить.

— Что нам кости да смрад, ничего не сделают. А будь там что страшней, так мужики, что супротив неведомости той ополчились, назад бы не пришли. Пройдем, никуда не денемся, нутром чую.

Я его и так, и эдак отговаривал, а он ни в какую, уперся и всё тут. А мне-то куда деваться, как я его, дурака, кину? Ну, думаю, оба пропадем, да хоть нежить ту посмотрим. Меч свой наточил да к нему на облучку рядышком сел. Тот кобылку с места тронул, мы и покатались. Да только путь нам было суждено не в двоим держать, а на четверых лямку тянуть: набились к нам два попутчика. Один молодой, румяный, статный, русский да выбритый гладко. Меч на поясе с рукоятью резной, в виде волчьей головы, да котомка за плечами. Второй в летах уже мужик, лысый, да только борода густая и черная, как смола. И нож у его на поясе приметный такой, лезвие серповидное один в один как волчий коготь, а рукоять из кости неведомой в виде лапы волчьей вырезана, подушечки лапы на того, кто ее держит, направлены.

— Прослышали мы, мужики, что вы прямой дорогой до города соседнего ехать-то собрались. Возьмите нас в попутчики, не пожалеете, — Русский.

— С попутчиками лошадь тележку медленней тащит, не возьму. А мы участок сей опасный планируем быстрее проехать, — говорит им Болот.

— А ты возьми, тише едешь — дальше будешь. — сказал бородатый, да так сказал, что я сам поверил, что без них ну прям никуда. А он продолжил: — Молва ходит, мол, на тракте том люди пропадать стали, вот мы и пришли проведать, так ли это. Да дела народа честного поправить. Подсоби в деле хорошем, для блага людей честных.

— Не знаю, правду ли ты молвишь, но коли так — быть по-твоему, лезь в кузов, да только товар мне не мните! У меня их там разных полно, от ножей до лат, от беличьей шкуры до медвежьей. От меда хмельного до вина букета тончайшего.

— Хватить бахвалится, купец. Не попортим мы твой товар, не бойсь. — Сказал бородатый и, забравшись в тележку, протянул руку. — Ну будем знакомы, меня Бродек зовут. Со мной Дрон.

Вот так мы и познакомились, долго ехали, о многом болтали, кто что видал да кого знал. Так до леса под самый вечер и доехали. Я еще что интересное заметил: они, когда сели, лошадь-то не то, что медленней, — быстрее пошла. Ну то мне, наверно, почудилось. А вот что мне не почудилось, так это то, что сидели эти двое поверх мешковины, что товар накрывала, и им удобно было. Друг-то мой, хоть и приукрасил про товар свой, но чего у него там только не было. Он же набрал всего подряд, мол, что -то да продадим.

Мы же, когда к лесу-то подъехали, уже смеркаться началось. А от леса запах гнили и смерти прям и прет. Болоту всё нипочем: брехня, мол, говорит, и чушь. Я тоже храбрюсь как могу, деваться-то не куда. Тут Бродек из мешка на поясе достает какую -то травку сушёную и поджигает. Травка эта, скажу я вам, запах источала ужасный. Глаза режет, слезу вышибает. Зато через минуты нас злые запахи вообще не мучили. А вот цветы пахли, я специально проверял.

— Вот тебе и злое чародейство! — насмешливо сказал мой друг. — Подождённой травой разгоняется. А кости — да бараньи наверно или чьи ещё. Не человечьи же.

Наши попутчики, сославшись на поздние время, сказали, что спать ложатся. И говорят мол «езжайте смело, ничего не бойтесь». Я отвернулся на пару мгновений, а их уже и нет. С перепугу кричу другу:

— Куда ты, стой! Мужики пропали!

— А испугались поди всё же, хорошо хоть с запахом отвратным подсобили, сейчас прорвемся! Но, пошла, родимая! — и стал подгонять лошадь.

А та как будто лет на десять помолодела, понеслась пуще прежнего да так, что шапка с меня чуть не слетела. Копытами, колесами кости перемалываем, вот ещё пара мгновений — и нет костей под нами, нормальная дорога. И воздух как -то чище стал. Ну мы едем, от радости улюлюкаем, кто же знал, что это лишь начало.

Мы не смеёмся, значит, а тут глядь! По лесу за нами со всех сторон силуэты какие-то бегут, да числом, что не сосчитать. Они отстают от нас и через мгновение снова впереди нас и бегут навстречу. Лица страшные, да такие, что не лица, а прямо морды. Зубы торчат страшные, рога. И крики со всех сторон.

— Стой! Не пройдешь! Умрешь! Умрешь! Оставь груз, беги! Умрешь!

Мы, ясно дело, тормозить не стали. Я меч выхватил да давай того, кто ближе подбежал, рубить. Глядь, а кровь у них вполне как человеческая, да и тот, кого я порубал на месте остается, как и оставшиеся, что нас не догнали, а впереди ещё и еще появляются. Да толку никакого, кобылка наша чахлая как таран сквозь рухлые сараи несется. Так, думаю, мы за ночь лес и промчим, если лошадь не устанет. Да не судьба нам была. Дорогу нам резко, как из земли выросла, баррикада перекрыла из деревьев поваленных. А округ полтора десятка этих тварей. По сторонам лес, а сзади их ещё больше, деваться некуда — тормозим клячу.

— Вот бесовщина колдовская! — в сердцах произнес Болот, бросая поводья и доставая меч.

— Нет тут колдовства, — утвердил наш бородатый попутчик, взявшийся со своим младшим товарищем ниоткуда прямо у нас на тележке.

— Мы под мешковиной спали, крики ваши услышали вот и проснулись — пояснил Дрон. — О, ну раз поспать не вышло, разомнемся, други? — он залихватски присвистнул, вынул меч и прыжком с кувырком слез с тележки.

А дальше что было... ой, шум, крики, ор, я сам всего троих зарубил да Болот парочку. Зато те двое прямо на загляденье дрались... всех остальных без проблем и заморочек. Ну мы, значит, обнялись на радостях, где же такое слышано, вчетвером против пятнадцати выжить да ещё и победить. И начали рожи эти косоголовые рассматривать, тут-то мы и выяснили, что тати это простые, маски страшные на головы напялили.

— И не мудрено, что тут не пройти, — Бродек молвил, окинув тела — таким числом, да ещё в масках, и дружину невеликую загубить недолго. Там позади ещё много их стало. И нас они миром не отпустят. Посему слушайте, мужики, вот что вам надо сделать. Ты, Болот, дай нам с Дроном шкуру волчью, доспех самый прочный, да свечу не пожалей восковую.

— Да куда хоть тебе это? Ай, да забирай! Жизнь всё же дороже.

— Не переживай ты так, вернем мы тебе всё, что останется. А пока мы ходить будем, вы, други, топоры берите и завал разбирайте, ничего не бойтесь, внимание не обрушайте на странности, разбирайте завал и как только сможете — езжайте.

— А вы? — спрашиваю.

— А за нас не волнуйтесь.

Они в лес пошли, просимое с собой прихватили. Ну мы и начали рубить завал. Рубим, стараемся — глядь, а тела-то убиенных пропадать начали. Ну мы помним, что не надо на это смотреть, самими страшно, ещё быстрее рубить стали.

Тут слышим ор за нашими спинами. Да все тот же:

— Умрешь! Не уйдешь! Смерти! Месть! Умрешь!

И бегут за нами те, от кого мы до этого уехали, все дубинами да мечами машут. Десятков шесть. Все перепачканы, воняют, маски надели. Страх, да и только. Ну, думаю, пропали. Меч в одну ладонь, топор в другую. Болот рядом стоит, щит из груза достал.

Твари эти уж близко подошли, вот-вот сойдемся, а тут как гром — рык такой страшный утробный, аж мурашки по коже. Тати так вообще оцепенели, а между нами и ими волк из чаши выскочил, да таких размеров, что теленку голову шутя перекусит, и как бросится на разбойников. Укус — голова с плеча, удар лапой — перелом ключицы.

— Не стой, друже, — хватает меня Болот за плечо — завал давай разбирать.

Ну я меч бросил и разбирать начал. По сему ничего больше не видел, но крик стоял такой, что уши закладывало, а хруст костей заглушал треск веток, что мы рубили.

Когда завал мы разобрали, всё уже закончилось. По дороге лужи крови, да и только от тел и у поминаний нет, а из лесу двое наших спутников вышли.

— Вот твои предметы, купец, — ободряюще сказал молодой и в руки их Болоту передал.

— А от чего в шкуре-то дырка, да прям посередине. Эх такой товар пропал.

— Нечего о товаре беспокоиться, — сказал бородатый — дальше езжать надобно, пока можно.

— Ну надо так надо, — сказали мы с другом.

Едем да выяснить пытаемся у них, что же было это такое, я то есть пытаюсь, а вот другу моему совсем неинтересно. Они, говорят, нормально всё, в лес ходили чтобы врагов отвлечь, за собой увести, волка никакого не видели. Темнят. Едем долго, мы с Болотом больше не можем, спать ложиться надо. Решили ночлег устроить. Мужики всё, говорят, понимают: устали, ложитесь, да только дайте как нам снова то, что мы просили, а мы ночью подежурим. Ну мы выдали да спать легли, шутка ли такое пережить и не устать?

Через час нас разбудили всё те же крики. Ночь глубокая, холод, звезды светят, луна между тучей, пламя огня танцует как восточная наложница, а в паре с ним пляшет по опушке черный, как сама ночь, волк, да только глаза красным горят, будто языки костра, и с белых клыков кровь струится, как вино на богатых пирах. Всюду тела лежат татей ночных.

Я, значит, к телу одному аккурат подошёл, маску поднял — и тут я его узнал, это был один из тех, кого я ещё у завала зарубил. Ну, думаю, померещилось спросонья, да ещё после такого дня. А может, брат у того разбойника был как две капли воды похожий. Ну и черт с ними, с братьями, думаю. Волк нас вроде не трогает, когда он рвать всех закончил, я спать лег да вид сделал, что ничего не случилось. Ну, думаю, есть он нас не станет.

Утром проснулись с другом, а поляна чистая, и про ночной бой нет не одного упоминания, спутники наши тоже спят. А то, что я видел, видать просто ночью мне приснилось.

Поехали мы дальше, да ехали недолго. Через часа два остановили нас попутчики и сказали без них ехать. А на ближайшем завале делать то же, что и вчера. А откуда там завалу-то впереди взяться? Ну ладно, думаем — поедем, коли что, подождем их. Но вот совпадение, правы они оказались: завал впереди нас ждал. А по бокам от него костры стоят по шесть с каждой стороны, вот факел брось — они и загорятся. И сам завал-то, судя по всему, чем-то горючим облит. И разбойники всё такие же стоят, в руках у каждого по факелу да мечи, топоры, ножи. И на нас идут, зубы скалят. О том, как волк появляется, я уже говорил; а он появился. Сначала треск веток, из которых он выскочил, потом треск костей, а затем треск костров. На огонь его загоняли, разбойники. Ну пропал, думаю, наш заступник. Тут смотрю ему по боку факелом бьют, мечом режут, а он и не замечает, ни волоска на сгорело, не отрезало. И огня он не боится. Долго шипела кровь на неостывших углях, мы и завал разобрать успели, а она всё шипит.

— Болот, что-то не так с ними, с мужиками этими, — говорю я другу.

— Ну и ладно, я бы их трусами назвал, но ты сам видел, как они вчера сражались, мастера. Ты к чему клонишь?

— Да магия тут какая-то, что в лесу в этом, что с мужиками.

— А да плюнь ты, с казали же они: «Нет тут колдовства».

— И ты в это веришь?

— Нет, но делаю усердно вид, что верю, и тебе советую.

На том и порешили. А когда мы завал разобрали, нас и попутчики догнали. Ну, думаю, надо бы им высказать всё, что о них думаю. Смотрю на друга, а он видать тоже хочет, да не решается, мы поколебались да так ничего не сказали. Решили, что и так всё ясно. Сели мы все на телегу да дальше поехали. Через пару часов мы доехали до отворотки с дороги. На вопрос Бродека, что там было, я поведал, что там раньше стоял трактир, в котором жил трактирщик с семьей и слугами. А после того, как нежить этот лес заволокла, о нем никто и не слышал.

— Тут всё и решится, Дрон, — молвил он после моего повествования — а вы, мужики, езжайте себе спокойно, к вам эти разбойники больше не полезут. — И они оба спрыгнули с тележки.

— Да как же мы вас бросим-то, мужики? — подивились мы с другом.

— Езжайте, мы вас коли чего догоним.

Как мы с ними не спорили, а пришлось нам дальше вдвоём путь держать. Как только они из виду скрылись, так я сразу сказал Болоту телегу тормозить, а сам за ними наострился следом идти.

— Куда же ты? — заволновался друг.

— За ними, не знаю, как ты, а я ужас как хочу знать, зачем и куда они пошли, и откуда волк тот берется, когда они нас покидают.

— Да ты, небось, как наша кляча травы какой наелся? Окстись, друже, не надобно нам этого.

А я только с воза спрыгнул, меч поудобней перехватил да пошел.

— А-ай ладно, боги с тобой, иди! Я здесь ждать буду — лошадь да груз стеречь.

Через минут десять я их догнал. На дороге мне тела бандитов повстречались да больше ничего приметного. Они стояли на полянке лесной, в стороне от дороги. До трактира шагов двести-триста оставалось. Я, значит, затаился и давай за ними наблюдать. А они доспехи, что мы им дали, на пень, что на поляне стоял, положили, сверху шкурой волчьей накрыли да нож воткнули — кривой тот, что бородатый носил. Рядом с пнём свечку, со стороны головы волчьей, зажгли.

Я пригляделся, а с ними третий — как разбойник выглядит. Лежит он на земле, ворочается — связан скорей всего. Дрон пошёл к нему, кляп, видимо, изо рта вытащил, тот как заканючит.

— Мужики, пожалейте, не причём я. Не хотел. Не надо ничего колдовать. Богом прошу.

— Ишь, про бога он вспомнил, — возмутился Бродек — А что же ты раньше про богов-то не думал?

— Так откуда же мне было думать-то! — испугано удивился тот. — Это сейчас я понял, всё понял. Не губите, мужики.

— Рассказывай, как было!

— Всё-всё расскажу. Мы тогда с найма возвращались. У князя здешнего весь сезон зимний службу несли. В походы с ним ходили. А он нам заплатил цену смешную, да как трусов выставил, когда время расчета пришло. Ну мы недовольные возвращались, и решили наши старшие князю насолить перед тем, как расстаться, да своё забрать. Я, я честно против был: говорил, мол, к чему нам это. Да не слушал меня никто.

— Ага, знаем-знаем, всё вы не хотели — да оно само получилось. Но ты говори, говори.

— Так вот, в трактир значит заехали, всё сначала как обычно было, пили-ели, разговоры вели, а потом решили старшие, что платить не должны, и что с трактирщика ещё надо взять. Ну вот оно и получилось...

— Что получилось?

— То, то получилось! Я не хотел, не участвовал. А они! Сначала всех мужиков, кроме трактирщика, зарубили. А потом надругались над кем могли, детишек маленьких мучили...

— К сути, — оборвал его бородатый.

— Ну так двое суток над трактирщиком с семьей его глумились. А когда последний из его семьи у него на глазах умер сыночек маленький, так он прям сам не свой был, он и до этого проклятья извергал, а вот последнее я запомнил, все мы запомнили. «Да что бы вы, сволочи, из леса этого никогда не вышли да умирали, твари, из раза в раз, чтобы вы жизни другой не видели». Мы тогда все посмеялись, а когда время уходить настало, дак мы из леса выйти и не смогли. Все, кто границу переступал, наизнанку выворачивались. Ужас, как это выглядело. Ну мы тут и остались. Караваны грабили да прохожих, чтобы с голоду не помереть, значит. Те же, кто помирал не от меча, наизнанку выворачивались. Потом тела их испарялись, как вода на огне. А потом, потом через время какое-то из печки, что в трактире стоит, вылезали. Живые, как ни в чём не бывало. А в печи той старшие приказали жену трактирщика заживо запечь, когда она уже...

— Заткнись наконец! — крикнул Дрон, пленник съёжился от страха. — Всё ясно, печь надо порушить, трактир сжечь. — Вторую фразу он уже сказал своему спутнику.

— Почти, надое ещё, чтобы они все мертвы в этот момент были. А так всё верно. План такой я перекидываюсь. Ты как всегда талисман сторожи. Когда я вернусь, вместе рушить пойдём.

— Ясно, жду, — сказал молодой, подошёл к пленнику и пронзил того мечом. Тот из положения полулежа лег окончательно и бесповоротно.

Бродек скинул с себя рубашку, штаны и всё, что было на нем, оставшись нагим. Подошёл к шкуре и, взявшись за рукоять воткнутого кинжала, стал бормотать заклинание. Что именно он говорил, я не слышал; так, только частично: «Род великий, перероди меня силы дай.... не на свое благо беру, но на общее.... Не сам брал — народ дал, дай и ты мне что народ мне дал, облик... да крепости брани что...». Дальше речь стала совсем неразборчивой и непонятной. Голос его сменился, стал боле гортанным, низким. Затем его силуэт стал расплываться, он отпустил рукоять, встал с колен и прыгнул кувырком через шкуру. С той стороны приземлился уже большой и знакомый волк.

Волк приняхался, а я затаился, словно охотник вблизи дичи. Не дай бог чего — и тебя уже заметили. Он повернул в мою сторону голову, посмотрел на парня. Их взгляды сошлись...

— Выходи, нечего тебе там сидеть! — крикнул Дрон.

Я вышел, скрывается смысла уже не было.

— Что же ты не поехал-то? Совсем хороших советов не слушаешь?

Я виновато промолчал.

— Ну ладно, раз уж пришел, стереги шкуру, а мы пойдем. Так оно лучше: два раза ходить не надо. Сразу всех убьем и разрушим. Если свеча потухнет, то мы мертвы.

— А... ну хорошо, — ответил я, не растерявшись от такого доверия.

Они развернулись и пошли к трактиру. Когда они уже скрылись из виду, в этом густом, как борода моего дяди, лесу я услышал звуки боя, и были они не у трактира, до него было ещё далеко. Видимо, наткнулись на разбойников. Когда бой стих, на поляну вышли три татя, все грязные и злые. Видимо, те, кто прорвался сквозь наших попутчиков. Они явно знали, что искали. Когда увидели талисман, первым делом на него бросились. Я тоже не лыком шит — защищать его начал. Ну, думаю, пропал. Шанс выжить один к трем. Держался я так долго, а потом слышу голос знакомый, что ко мне обращается:

— Ну ты без приключений не можешь! — возмутился он — вот что тебя суда потянуло?

— А сам-то, я тебе говорил: давай как все пообедем. Нет, нутром он чует! — ответил я Болоту на его претензию.

В два меча мы этих уродов и порубили. Когда закончили, я ему рассказал, что видел, а дальше ещё четверо пришло, и откуда только берутся. Опосля того, как мы и этих зарубили, не приходил больше никто. Когда со стороны трактира дым повалил, пришли и наши попутчики.

— О, уже двое — сказал молодой.

Бродек в свою очередь набрал разбег и перепрыгнул через талисман, оборачиваясь назад в человека.

— Подсобили вы нам. Там я бы один не справился, Дрон мне нужен был, а талисман охранять надо было кому-то поверить, мы же их всех поймать-то не можем, кто -то да пройдет к нему. Всё, спасибо, можете обратно добро своё забирать. Там, кстати, в трактире добро, что татями было награблено, горами лежит, его же есть-то нельзя, а делать с ним тут в лесу больше нечего. Вы бы шли, пока не погорело всё, может, чего достанет.

Болот, не будь купцом, если б от халявы отказывался. Ну а мне его одного в огонь-то не пустить, пришлось с ним идти. Добра мы успели порядком вытащить — того, что на руках унести можно. А когда трактир прогорел да огонь уже на деревья перебрасываться стал, мы руки в ноги и тикать, как нашкодившее сорванцы. Попутчики наши нас у телеги ждали. Погрузились мы да поехали.

Когда мы отъехали от леса, он горел в сумерках так же красиво, как и закат впереди нас.

— Вот и проехали сквозь лес, как я и говорил, — хлопнул меня по плечу довольный Болот.

— И лес при этом сгорел, — парировал я.

— Ну тут уже как получилось.

Мы доехали до города, где торговать собирались, выпили всё дружно вчетвером да расстались. Мужики своей дорогой пошли, а мы своей. И завивалась она у нас подобным узором ещё не раз, но об этом я позже расскажу.

Мужик закончил рассказ, вытер губы расписным платком, расплатился с трактирщиком, и по-дружески со всеми простился, и вышел из таверны. Во дворе послышалось конное ржание и топот копыт.

— И куда он отправился? — спросил кто-то из молодых.

— А кто его знает, — пожал плечами трактирщик — наверно, как всегда: проживать ещё одну байку на своей шкуре.

Таверна притихла...помолчала какое -то время... каждый подумал о своем... а потом
обыденные звуки заполнили зал, и жизнь пошла своим чередом.

Рассказ №2 Зачарованный Детьнец.

За окном медленно угасал день. Редкое и дорогое стекло очень хорошо пропускало лучи закатного солнца. Таверна, как и положено, к вечеру была полна разношёрстного народа, и тихий гул разговоров усыплял лучше материнской колыбельной.

Входная дверь открылась, и порог пересек парнишка, что обычно принимал лошадей у заезжавших. Довольный, хоть лучины от него жги, на поясе в кожаных ножнах украшенных вязью серебряных нитей, покоится столовый нож с красивой расписной рукоятью, рука мастера видна из дальнего угла слепому попрошайке. В руках держит кошель, что толще самого крупного посетителя, и быстрыми шажками идет к трактирщику. Следом за ним заходит всем известный завсегдатай. На плечах покоится плащ из кожи, подколотый дорогой серебряной брошью с янтарной слезой. Штаны расшиты серебряной нитью, рубаха красная ярче солнца ясного. Меч булатный подвязан на поясе, что трех коней дороже. Сапоги ценней всей деревни, по какой бы он ни прошёл.

— Никак дядька вернулся! — радостно начали гомонить молодые. — Жив, цел! Двенадцать седмиц не видели! Как ты, почтенный?

— Больно вам, други. Всеу вы обо мне печетесь. Что со мной станица? — он махнул рукой и, пройдя через весь зал, сел на единственное пустое место за центральным столом. — Сами как поживать изволите?

Паренёк донес свою ношу до стойки кормчего и возложил её с довольной миной. Владелец заведения, недолго думая, махнул на всё рукой и залихватски произнес, дабы все слышали:

— Всё, что любо, бесплатно! Слепому дайте больше.

Таверна радостными голосами встретила заявления и было хотела качать на руках воина, но на счастье все быстро одумались, ибо таким числом рук можно не то что бы до потолка кинуть, но ещё и хорошенько об него приложить. И вот как это уже давненько бывало, заводила спрашивает с неподдельным уважением:

— Что интересного расскажешь, отче? Откуда ты сегодня? Поведаеть?

— Что сейчас я ездил, ничего интересного не было. А вот припомнить могу другое, было это давно, молод я был. Ещё вот этот волос не поседел — он оттянул клочок своих волос, далеко не седых, но с проблеском серебра. — Ехал я тогда по землям, что с равниной кочевников граничат; они и по сей день там налёты, ироды, чинят. Дело было ближе к осени, дороги, по коим они чаще ездят, развезло, и посему одинокому путнику не страшно было. Заехал я уже к вечеру в местную деревню и там, стало быть, ночлег просить стал, люди добрые мне кров предоставили, да, как оказалась, в сей вечер не один я такой был. Там я познакомился с Воротиславом. Ведун; он сильный, да и человек праведный и честный. В месте мы с ним поутру в путь и тронулись. В хорошей компании и путь короче. А нам, значит, крестьяне местные

припасы собрали и повелели их воинам передать, что лагерем по пути стоят. Мы отказать в таком добром деле не могли да так и поступили. Когда по дороге мы в леску местном двухчасовых увидали, так им и передали. Да нам любопытно, чего это в друг дружинники княжий в лесу не по делу сидят — ни заставы нет, ни крыши. Беда, они молвили, с ними стряслась, да только помощь им не надобно, дело, мол, не простое, а колдовством оплетено. Мы с ведуном сразу и говорим, что, мол, нам с такими делами не впервой бороться, глядишь и поможем чем. Они нас к своему десятнику и препроводили. Там нам десятник и молвил:

— Дело, добры люди, было так. Решил наш княжич тут на изгибе реки детинец свой поставить, дабы границы было легче защищать от набегов да оплот страны нашей укрепить и град новый возвести округ его. Построил значит детинец, большой да ладный, дружину в сотню голов уместит в себе надолго, да люда честного возьмет вдвое больше при осаде. А коли что — так из него и атаковать неприятеля можно быстро. Да дожждаться, когда отец его со своей дружиной подоспеет. Когда строительство завершилось, решил он терем свой зачаровать, дабы кочевники его не видели, как бы близко не проезжали.

Для дела сего пригласил он местную колдунью, что в лес этом живет, да сулил ей всё, что она пожелает. А она возьми да пожелай, чтобы он её в жены взял. И всё бы хорошо, князь наш человек слова, да только как он её в жены? Она ему в бабушки годится, горбатая, носатая, руки кривые, ноги тощие, волосы выпали, да без рода и племени. Он и отказал ей. Она возьми и прокляни детинец: «Пусть его тогда не кто не видит не когда, покуда ложе со мной не разделишь!» Сам там был, сие и слышал. С глаз долой вихрем — и исчезла. Мы в детинце том семь седмиц просидели, гонца ждали от отца княжьего, по делу важному. А его всё нет да нет, и крестьяне не заезжают, да патруля, что каждый третий день проезжает, нет.

Ну князь детинец в осадное положение ввел и выезд всем запретил. Дружины мало было, дабы вылазку делать. Еще через седмицу он мой десяток послал, узнать, что да как, да мне на ухо шепнул, чтобы я, коли чего, шел к той ведьме, кабы она чего плохого не наворожила, вдруг её рук дело. Ну мы и вышли. До деревни дошли. Там нам жители поведали, что мол ходит патруль, как ему и следует, и что набегов не было, а посол проезжал, да детинца не нашел, пропал он мол восемь седмиц назад, и не ведомо никому, как сие случилось. Отец князя нашего приезжал, расследование проводил, ведуна присылал. Ничего не нашел, ничего не решил. Да горестный домой воротился. За весть о сыне деньги обещал немалые. Ну мы тут всё и поняли. Да бегом обратно к князю нашему, приходим к берегу, где детинец стоит, а его и нету. Мы и так ходили и этак, и на том месте где княжий покой стоят топтались, нету — поле чистое.

Мы значит патруля дождались, всё им доложили, как оно было, да к ведьме наведаться пошли. Приходим да говорим: верни, мол, окаянная, князя на место! А то проткнем тебя мечом и колдовство не поможет. А она рассмеялась да говорит: колите коли хотите, тогда никогда вам детинца не видать. А коли князь ваш одумается да придет ко мне обещанное исполнить, я всё и расколдую.

Мы снова к детинцу — как только ни пытались до князя донести ведьмины слова. А что ему наши потуги, коли ни мы его, ни он нас не видит. Приехал, значит, снова к патрулю, уже с князем. Да давай ведьму допрашивать, что она сотворила. А та смеется да свое гнет. Князь её, значит, разорвать березами порывался, да я с десятком своим насмерть колдунью защищать стал: коли умрет она, я своего княжича так и не увижу. Отец его тогда попытки свои оставил и молвил: когда припасы в детинце закончатся, тогда сын его сам выйдет да люд за собой поведет, а детинец они новый построят. Старуха знай себе смеется и говорит, что раз так, тогда она наколдует, чтобы оттуда мог только он один выйти, да только с целью, чтобы обещанное выполнить, иначе заклятье его не выпустит. Князь уехал, а через девять дней ведун приехал, боролся он на чарах с ведьмой да признал свое поражение. Ничего в оплату не взял, хотя предложено было, да уехал. Вот сидим мы, ведьму обороняем, чтобы её кто самосудом не сгубил, да волхвов ждем, дабы те чары развеяли.

— Беда у вас действительно непростая, давайте я на ту ведьму взгляну, авось чем помочь смогу, — молвил Воротислав.

— Не ездите, люди добрые. Она себе нечисть на охрану поставила от нас, дабы не погубили, коли не вытерпим; не по силу она простым смертным.

— Не страшна мне нечисть, — ответил он наотрез.

Коней воинам оставили да тронулись мы с ним домой к ведьме. В лесу мы его нашли. На краю лесной поляны. Старый, ветхий, окна все заколочены да мхом забиты, крыша дырявая, хозяина давно, видимо, нету.

Ступил я на край травы, что поляну заполняет, а перед нами тень стала размытая. Да глазами красными сверлит. У меня рука сама на эфес меча упала.

— Не доставай оружия, друже, — мне ведун молвил. — Не зло это, страж теневой, он тебе столько же урона причинит, сколько ты ему учинить попытаешься. Ты расслабься.

Он на край поляны вступил, да перед ним тоже тень выросла. Она взял как ни в чем не бывало вперед пошел, да сквозь неё прошёл. Я пошел своей навстречу, да уперся в неё, и она мне хода ни влево, ни вправо не дает.

— Расслабься, выбрось дурное всё из головы и представь, что сие тень простая, как от дерева, и ты мимо неё пройдёшь.

Я сосредоточился да так и прошел. Мы к избе направились. И вот уже до входа недалеко осталось. Дверь распахнулась, и появилась злодейка на пороге.

— Зачем, молодцы, пришли, чего ищете? Обедать не желаете?

— Отчего не отобедать? — Воротислав посмотрел на меня. — Да только не объедем ли мы тебя, хозяйка?

— Для таких добрых молодцов у меня припасы найдутся. Прошу, проходите.

Мы в избу и вошли, там темно, сыро, пыльно. Свет от единой лучины еле светит. Она на стол поставила кашу перловую да воду.

— Что есть в моем доме, уж простите, гости дорогие.

— Отчего же у такой славной ведуницы так бедно жильё устроено? — друже мой спрашивает.

— Ишь льстец! Ведуницы, меня так с юности не звали, ведьмой только и кличут. А жильё я же не в силах сама латать. Да крестьяне ко мне редко ходить стали, только еду и получала. А нынче вообще не ходят, как я детинец-то заколдовала.

— А ты, милая, чары сняла бы — да глядишь всё миром и обойдётся, — говорю я ей аккуратно.

— Милая! Какие вы, ребята, прямо льстецы. А чары я не сниму, покуда обещанного не дождусь.

— Обещанного три года ждут — сказал Воротислав, — а три года — долгий срок, так что придется мне твое колдовство снимать.

— Коли сможешь. Снимай. Ко мне уже двое приходили, да снять не смогли. Может ты третий счастливый окажешься.

— Как тебя зовут то, хозяйка?

— Златоцвета, да только не поможет тебе имя мое в ворожбе.

— А оно мне и не для ворожбы.

Дом мы покинули. Воинов попросили нас к детинцу отвести. Там полуночи вдвоём дождались, и друже мой стал обряд творить. Меня же поставил его стеречь, покуда он колдует. Поставил он в рисунке колдовском воды кушак, перо совиное на него бросил да жир накапал.

— Ты, месяц ясный, светом золотым сияющий, ночью путь освещающий, все предметы, что во тьме скрыты, открывающий, освети то, что сейчас не ведомо, что закрыто злыми советам....

Тут слышу я: крылья в ночи захлопали — кожаные да простые. Гляжу, а к нам криксы (мифологические твари, являлись ожившими людьми, от мала до велика, как правило женского пола неопределённого вида существа, с частями человеческих тел, похожие на птиц, летучих мышей, червей; бессмертные, мрут только от огня, серебра или магии) летят со стороны леса, числом неведомым. Я меч перехватил поудобней и отбиваться стал, покуда мог. Тела у них хлипкие, клинком напополам перерезаются да части отдельные всё ползают, пытаются срастись и драться. Простоял я так час, ран получил немного резаных да пару укусов. Воротислав обряд закончил. Да мы с ним насилу ушли оттуда.

Поутру он мне сказал, что чары снять не сумел. И предложил этой ночью ещё один ритуал провести. Так мы ещё три ночи маялись. На нас от ран места уже живого не было. Воины, на раны наши глядя, благодарны были за попытки, да толку-то. После четвертой ночи пошли мы к ведьме. Всё тем же путем к ней явились. Поели да друже молвит:

— Всё перепробовал. Сильна ты. Что ты хочешь — говори.

—Хочу, чтобы князь со мной ложе разделил. Али не ясно ещё.

Друг мой промолчал какое-то время, меда хмельного из фляжки выпил глотком немалым одним разом. Усы утер, фляжкой по столу стукнул да решительно молвил:

— Я с тобой возлягу, расколдуешь детинец?

Я, други, честно скажу — такого не ожидал; не смог бы я так. И мед бы хмельной мне бы не помог.

— А на брешешь ли ты, молодец?

—Что бы мне пусто, было коли брешу.

—Один ты будешь али с другом? — и лукаво так на меня смотрит.

—Один.

—Я вас покину — сказал я, вставая из-за стола, с восхищением смотря на друга.

—К рассвету приходи, друга заberi, — молвила мне в ответ ведьма.

Избу я покинул и к утру пришел. Обождal немного и из избы вышел Воротислав — довольный, румяный. В одних портках. Подошел ко мне да на траве развалился.

— Я думал, помру от страха — признался он — а тут, понимаешь, началось у нас, и...

...из избы вышла девушка — высокая, стройная, зеленоглазая, с длинной золотой косой, красивая, в одном сарафане. Потянулась, начала расплетать косу, а по поляне раскатилась звонкая ласковая речь:

— Вот уже и не думала я, что снова себя на свете белом такой увижу. Спасибо тебе, молодец, за тепло да ласку. Учительницы моей это всё деяния. Я у неё с малолетства училась, а когда подросла да краше стала, стали на меня парни заглядываться да женихаться лезли. Я никого близко не подпускала, а хотелось жуть, и дитятко хотела, мочи не было. Наставнице об этом поведала. А она детей да мужчин на дух не приносила. Мужики конечно в расплату и крышу крыли, и дом чинили, и по хозяйству помогали, да только она их после этого гнала всех сразу. Так, когда про мое желание услышала сказала, что мол против строго и всё тут. А я сказала, что тогда уйду от неё, а у нас, сильных ведьм, покуда все знания свои не предашь, о легкой и спокойной смерти и не мечтай: душа будет долго маяться, покуда сила данная новое убежище в сосуде подходящем не сыщет. Она меня и заколдовала такой. Она не такая злая была, потому и сказала, что скоро уже всё мне передаст да расколдует и отпустит на все стороны. Да так сделала, что коли я кому о проклятье скажу, навсегда такой и останусь, чтобы, мол, никто об этом не прознал, и смельчака не нашлось заклятья развеять раньше времени. Я у неё и осталась, покуда всё не перейму; а годы назад пошла она в поселок, что тут был, возле границы, меня в доме оставила за хозяйством следить. Да только не дошла она до того поселка — её кочевники, что поселок пожгли, погубили; их после дружина отогнала. Я ходила искала, а мне люди молвили, мол, видели, как кочевники старуху пытались убить, а она полтора десятка на клочки порвала, они в ней ведьму признали да огненными стрелами и расстреляли. Она сгорела, прах конями растоптали да развеяли на все стороны. Она ко мне потом во снах приходила — знания, что не успела дать, передала, да прощения просила, что расколдовать не сумела; и поведала, что на случай такой оставила вот эту лазейку. Как я ни пыталась, да не нашлось желающих, вот и пришлось мне князя к ногтю прижать, он не только за себя, но и за других в ответе, глядишь бы да уломало. А тут вот как вышло. Всё, идти можете, путники, сняла я заклятье с детинца.

— Я как честный воин, который деву обесчестил, обязан её в жены взять; да и куда я пойду, коли под сердцем мое чадо носишь? — довольный ак сказитель после новой песни, медовым голосом Воротислав молвил. — Мужем я твоим останусь, коли не погонишь.

— Отчего мне тебя гнать, я только рада буду, милый.

В общем, гуляли на свадьбе всем окрестным людям. За счет князя. Тот как всё прознал, гневаться не стал, в несдержанном слове сознался, да в искупление дом предоставил им возле детинца своего, да должность при дворе дал. И о том по сей день не жалел не разу. Только нарадоваться не может. И меня наградил, десяток дать желал, да не надобно мне сего, к воле я привык. Вот так, в общем....

Я смотрю: день клонится к концу, сам я отдохнул, кони передохнули, пора мне, братцы, в путь. У меня тут встреча неподалеку на закате. Так что бывайте.

Воин встал дошёл в немой тишине, до двери, рванул с себя плащ, подозвал мальчишку, протянул его ему:

— Слепому отдай, ему нужней.

Подмигнул и вышел. Во дворе заржали кони, и вот топот копыт унес его куда-то в путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.